

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Лучший американский автор
детективной прозы
по версии *The New York Times*

**ХАРЛАН
КОБЕН**

ИЩИ ДУРАКА

Продолжение бестселлера «Единожды солгав»,
экранизированного *Netflix*!
Рейтинг фильма на *IMDb* и «Кинопоиске» 6,8!

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

18+

Харлан Кобен — автор 35 романов, многие из которых стали бестселлерами №1 по версии *The New York Times*. Его книги проданы тиражом свыше 100 000 000 экземпляров и переведены на 46 языков.

Звезды мирового детектива

Харлан Кобен

Ищи дурака

«Азбука»

2025

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кобен Х.

Ищи дурака / Х. Кобен — «Азбука», 2025 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-33970-5

Харлан Кобен – первый в списке десяти лучших детективных писателей Америки по версии «The New York Times», лауреат премий «Шамус», «Энтони», «Эдгар», «Серебряная пуля». Его романы литературные критики называют гениальными, острыми и проникательными, неизменно увлекательными, превосходными и обязательными для чтения. «Я не напрасно причисляю Кобена к великим писателям – возьмите любой из его романов, и вы погрузитесь в историю столь же запутанную, сколь захватывающую и при этом живую». Так отзывалась о нем Гиллиан Флинн, автор международного бестселлера «Исчезнувшая». Уволенный из полиции Сами Кирс вынужден перебиваться сомнительными заработками. Среди прочего он ведет занятия по криминалистике для желающих узнать побольше о том, как раскрываются преступления. На очередном занятии вдруг появляется женщина, в которой Сами узнает свою давнишнюю возлюбленную. Два с лишним десятилетия он считал ее погибшей. Более того, у него были самые серьезные основания верить, что погибла она от его руки. Но у женщины другое имя, другая фамилия, и она утверждает, что прежде никогда не видела Сами. Однако в юности она стала жертвой похищения и одиннадцать лет считалась пропавшей без вести. Сами пытается разгадать, что же произошло в новогоднюю ночь на рубеже прошлого и нынешнего тысячелетий и зачем кому-то понадобилось, чтобы он считал себя убийцей. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-33970-5

© Кобен Х., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Пролог	13
Глава 1	18
Глава 2	22
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Харлан Кобен

Ищи дурака

Harlan Coben

NOBODY'S FOOL

Copyright © 2025 by Harlan Coben

This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest

Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© И. А. Тетерина, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ ХАРЛАНА КОБЕНА
В СЕРИИ
«ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА»

Незнакомец
Не отпускай
Убегай!
Не говори никому
Всего один взгляд
Победитель
Невиновный
Беглец
Мальчик из леса
Я тебя найду
Единожды солгав
Ищи дурака

**ХАРЛАН
КОБЕН**

ИЩИ ДУРАКА

Санкт-Петербург

«Ищи дурака» – сиквел романа «Единожды солгав», по которому был снят одноименный сериал. Элементы сценария вошли во вторую книгу; этим и объясняются некоторые расхождения, в частности разные имена у детектива Кирса. В первом романе он Роджер, а во втором – Сами, поскольку в фильме эта роль досталась актеру индийского происхождения.

Посвящается Т. К.

Пролог

Не иначе, все пошло наперекосяк в тот самый момент, когда я тебя увидел.

Мне тогда был всего-то двадцать один год, дитя дитем, с моей теперешней точки зрения. Я только что окончил Боудин-колледж и, как тогда было принято в моем кругу, храбро отправился в путешествие дикарем по Европе. Была полночь. В ночном клубе грохотала музыка. Я то и дело прикладывался к первой бутылке «Виктории Малаги» – самого дешевого пива (денег у меня было в обрез!), какое подавали в ночном клубе на побережье Коста-дель-Соль в Испании. От вылазки в ночной клуб я не ожидал ничего особенного, думал, все будет как всегда: беспочвенные надежды, страх упустить свой шанс, молчаливое разочарование (читай: облом на обломе), – и вдруг увидел на танцполе тебя.

Диджей крутил «Не могу выбросить тебя из головы» Кайли Миноуг, которая, кто бы мог подумать, в итоге превратилась едва ли не в девиз всей моей жизни. И продолжает им оставаться. До сих пор. Четверть века спустя. Ты посмотрела мне прямо в глаза и даже некоторое время удерживала этот взгляд, но я не поверил, что ты смотришь на меня. Не потому, что ты была птицей не моего полета. Хотя ты, разумеется, была. В смысле, птицей не моего полета. Нет, я не думал, что ты смотришь на меня, потому что вокруг были ребята из нашей студенческой команды по лякроссу: Мики, Холден, Скай, Шак и, разумеется, капитан команды Куинн – все, как на подбор, пышущие здоровьем красавцы, обладатели мужественной внешности, чем-то похожие на молодых братьев Кеннеди с той серии фотографий, где они играют в футбол в своем поместье в Хайаннис-Порт. Я решил, что ты смотришь на кого-то из них – например, на капитана Куинна, с его волнистыми волосами и телом, какое возможно построить лишь посредством грамотного сочетания тяжелых тренировок, восковой эпиляции и стероидов.

Словно в доказательство этого убеждения я демонстративно, почти клоунски посмотрел влево, потом вправо. Когда же рискнул вновь устремить взгляд в твоём направлении, ты каким-то образом удержалась и не закатила глаза, а вместо этого, проявив милосердие, с многозначительным видом слегка кивнула мне. И снова посмотрела в глаза, хотя, быть может, ты просто была как те изображения на картинах старых мастеров, которыми я двумя днями ранее любовался в Прадо, – их взгляд кажется устремленным на тебя, где бы ты ни стоял. Хотелось бы мне сказать, что все остальные посетители «Дискотеки пальмерас» в этот миг словно отступили куда-то далеко на второй план, как в какой-нибудь дешевой мелодраме, когда музыка внезапно стихает и в кадре крупным планом появляются лица двух главных героев – нас с тобой, – но ничего такого не произошло.

На танцполе было полно молодняка. В тебя кто-то врзался. Потом кто-то еще. Между нами извивались и подергивались чужие тела.

Ты исчезла из виду, словно толпа поглотила тебя целиком.

Я поднялся. Товарищи, сидевшие со мной за столиком, ничего не заметили. Я был для них скорее талисманом, чем другом, комическим персонажем, смешным маленьким недотепой, которого по воле случая поселили в студенческом общежитии в одной комнате с суперпопулярным капитаном Куинном. Большинство полагали, что я из Индии, часто называли меня Апу¹ и пытались изобразить нечто похожее на южноазиатский акцент, что страшно меня раздражало, поскольку я родился в штате Нью-Джерси, в Фэр-Лоне, и выговор у меня соответствующий. Не могу сказать, что я всю жизнь мечтал отправиться в путешествие по Европе в их обществе, но мои лучшие друзья, Чарльз и Омар, уже вышли на работу: один в «Бэнк оф Америка» на Манхэттене, другой – в генетическую лабораторию в «Масс дженерал». Меня

¹ Апу Нахасатиманетилон – второстепенный персонаж мультсериала «Симпсоны», иммигрант из Индии, разговаривающий с утрированным южноазиатским акцентом.

же приняли в медицинскую школу Колумбийского университета, и осенью я собирался приступить к занятиям, хотя, по правде говоря, путешествовать в компании лякроссеров было довольно неплохо и даже где-то лестно, пусть даже они и взяли меня с собой с подачи Куинна.

Я скорее поплыл, нежели двинулся, по танцполу, протискиваясь через вспотевшие тела, как будто они были набегаящими волнами. Диджей включил «Убийство на танцполе» Софи Эллис-Бекстор, что теперь, когда я об этом думаю, тоже кажется пророческим, а может, ироничным. Впрочем, с тех пор, как Аланис Мориссетт спела песню под названием «Иронично», я не уверен, что правильно понимаю значение этого слова, и даже сейчас, четверть века спустя после той ночи, мне не хотелось бы употребить его неправильно.

Пришлось целую минуту продираться сквозь море разгоряченной плоти, пока я не нашел тебя в центре танцпола. Твои глаза были закрыты, ты двигалась медленно, томно, тягуче, и я до сих пор не знаю, что это было за танцевальное движение, но я был заморожен. Когда ты вскинула руки над головой, задрался топ, обнажив загорелый живот. Некоторое время я просто стоял и смотрел на тебя. Ты казалась настолько растворившейся в музыке, настолько на своей волне, что я чуть было не передумал к тебе подходить.

А представь, что я бы не подошел?

Увы, я проявил несвойственную мне храбрость. С одной бутылки пива я осмелел настолько, что сделал шаг вперед и похлопал тебя по плечу.

Ты вздрогнула и открыла глаза.

– Не хочешь потанцевать? – спросил я.

Вот так взял и спросил. Это я-то, который всю жизнь лишний раз рот стеснялся открыть. Увидел красивую девушку, танцующую в одиночестве, и набрался наглости к ней подойти.

Ты состроила гримаску и крикнула:

– Что?

Да, на дискотеке было настолько шумно. Я наклонился поближе.

– Потанцевать не хочешь? – заорал я, пытаюсь приблизить губы к твоему уху и одновременно отвернуться чуть в сторону, чтобы у тебя не лопнула барабанная перепонка.

Ты состроила другую гримаску и прокричала в ответ:

– Я уже танцую.

В обычных обстоятельствах тут я, да и, будем честны, почти любой другой парень на моем месте, и увял бы. Так почему же я тогда не отступился? Почему увидел в твоих глазах что-то такое, что побудило меня сделать еще одну попытку?

– Я имею в виду, со мной, – заорал я.

Правый уголок твоих губ дрогнул в слабой улыбке, которую я до сих пор ощущаю в своих венах.

– Я поняла. Это была просто шутка.

– Очень остроумно, – отозвался я.

Не знаю уж, приняла ли ты мои слова за чистую монету или сочла сарказмом, но, чтобы уж расставить все точки над «и», это был сарказм.

Мы начали танцевать. Ты совершенно в своей стихии. Расслабленная, чувственная, притягательная. Ты обладаешь способностью полностью отдаваться танцу, который каким-то непостижимым образом кажется одновременно спонтанным и профессионально поставленным. Я демонстрирую максимум, на который способен, то есть, по сути, напряженно перетаптываюсь с ноги на ногу, стараясь не столько сойти за хорошего танцора, сколько слиться с толпой и не выделяться, не выглядеть полным идиотом. Эта попытка не опозориться, разумеется, приводит только к тому, что я выгляжу страшно закомплексованным, – а может, я и в самом деле закомплексованный.

Но тебя это, похоже, не смутило.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Анна. А тебя?

– Кирс, – отозвался я, потом зачем-то добавил: – Сами Кирс.

Господи, как же глупо это прозвучало. Тоже мне, Джеймс Бонд недоделанный.

Ты кивнула в сторону моих товарищей:

– Ты не очень-то вписываешься в их компанию.

– То есть ты хочешь убедить меня в том, что я невысокий и некрасивый?

И снова эта легкая улыбка.

– Мне нравится твое лицо, Сами Кирс.

– Спасибо, Анна.

– В нем чувствуется характер.

– Это такой эвфемизм для слова «некрасивое»?

– Я танцую с тобой, а не с ними.

– Справедливости ради, они тебя не приглашали.

– Это правда, – сказала ты. И снова эта улыбка. – Но и уйти отсюда сегодня я собираюсь тоже не с ними.

Глаза у меня, видимо, вылезли из орбит, потому что ты звонко рассмеялась и взяла меня за руку, и мы стали танцевать дальше, и я тоже начал расслабляться и чувствовать себя непри-
нужденно – и да, через два часа я ушел из ночного клуба в твоём обществе под ободряющие вопли однокурсников, которые дружно потрясали в воздухе кулаками, улюлюкали и пьяно скандировали: «Кирс, Кирс, Кирс!»

Держась за руки, мы отправились бродить по городскому пляжу. Ты поцеловала меня в свете луны, и я до сих пор чувствую на губах привкус средиземноморской соли. Ты привела меня к себе в квартирку в скромной многоэтажке; я спросил, одна ты в ней живешь или с соседями. Ты ничего не ответила. Я спросил, сколько ты уже в Фуэнхироле. Ты ничего не ответила.

У меня никогда не было одноразового секса. И я впервые подцепил девушку в ночном клубе. Или, вернее будет сказать, девушка впервые подцепила меня. Я не был девственником. На третьем курсе я встречался с Шарин Розенберг, и мы с ней много раз занимались этим, но я все равно нервничал. Я попытался представить себя капитаном Куинном. Вот уж у кого уверенности в себе было хоть отбавляй. На первом курсе он всегда без проблем снимал понравившуюся ему девушку и возвращался далеко за полночь или вообще под утро. Когда я как-то раз спросил у него, почему он никогда никого не приводит к нам в общежитие, он сказал:

– Не хочу, чтобы какие-то ее частицы оставались на мне. Понимаешь, о чем я? – И потом полчаса отмывался в душе.

У капитана Куинна были и наверняка есть до сих пор большие проблемы по части близости.

В ту нашу первую ночь мы с тобой некоторое время валялись на диване, обнимаясь и целуясь, а потом ты уснула, а может, отключилась, я до сих пор не знаю, что именно произошло. Все это время мы оставались полностью одеты. Я хотел уйти, но потом подумал, что это будет неправильно, как-то невежливо, что ли, поэтому закрыл глаза и попытался устроиться поудобнее и сделать вид, что я тоже сплю.

Когда с утра ты проснулась, то улыбнулась мне и сказала:

– Я рада, что ты все еще здесь.

– И я тоже, – отозвался я.

Тогда ты взяла меня за руку и повела в душ. О дальнейшем я с твоего позволения умолчу.

Через два дня мои товарищи уехали в Севилью. Я пересекся с ними на вокзале в Малаге, чтобы попрощаться. Капитан Куинн своими громадными ручищами сжал мои тощие плечи и, посмотрев на меня с высоты своего роста, сказал:

– Если успеешь натрахаться за ближайшие три дня, присоединяйся к нам в Севилье. Четвертый и пятый день мы будем в Барселоне. На шестой день пересекаем границу и поедем по югу Франции.

Куинн продолжал в том же духе, пока я не напомнил ему, что, вообще-то, это я занимался организацией нашей поездки, покупал билеты и бронировал хостелы, так что прекрасно осведомлен о том, где и когда они будут. Он торопливо, но крепко меня обнял. Остальные члены команды на прощание обменялись со мной тычком кулаками. После этого они пошли на посадку, а я остался на платформе провожать их взглядом.

А знаешь, Анна, что забавно? Никого из них я никогда больше не видел.

Холден позвонил мне один раз, потому что тогда я служил в полиции – теперь уже нет, – а его сына арестовали за участие в пьяной драке в баре. Но мы с ним не виделись. Как и с Мики, и со Скаем, и с Шаком. И даже с капитаном Куинном.

Я никогда больше не видел никого из них.

Но до конца жизни буду задаваться вопросом, как сложилась бы моя жизнь, если бы я тогда решил не отклоняться от маршрута и поехал вместе с ними в Севилью.

И как тогда сложилась бы твоя жизнь.

Я не могу не думать об этом, Анна.

Наверное, мы не были влюблены друг в друга. Это был короткий курортный роман. Дело не в том, что ты разбила мне сердце. Уж лучше бы разбила, честное слово. Это я как-нибудь пережил бы. Не в первый раз и не в последний. Несколько лет спустя меня постигла куда более тяжелая утрата, но в истории с Николь, по крайней мере, у меня была возможность поставить точку.

Но не с тобой, Анна.

Я не могу об этом не думать.

Как бы сильно мне ни хотелось поставить точку.

Это был наш пятый день вместе. Мы договорились, что я переберусь из хостела к тебе. Я был на седьмом небе от счастья. Мы не вылезали из ночных клубов. Мы пили. Мы постоянно принимали наркотики. Не знаю, какие именно. Я никогда не был заядлым тусовщиком, но, раз уж тебе хотелось тусоваться, я готов был тусоваться. Почему нет? Можно же хоть иногда оторваться по полной? У тебя был собственный поставщик – голландец чуть постарше нас по прозвищу Базз. Шипастый фиолетовый ирокез на голове, кольцо в носу и множество веревочных браслетов на запястьях. Покупкой всегда занималась ты сама. Это было твое желание. Вы с Баззом встречались на углу за отелем «Эль Пуэрто». Я помню, как вы что-то обсуждали шепотом, и порой эти обсуждения казались мне довольно бурными. Я полагал, что вы торговались, прежде чем ты украдкой совала Баззу деньги, а он тебе свой товар.

Что я тогда понимал? Я был молодой и наивный.

Потом мы шли в какой-нибудь очередной клуб. Часа в три ночи возвращались в твою квартирку. Занимались любовью. Скорее отключались, чем засыпали. Просыпались не раньше полудня. Выкатывались из постели и шлепали на пляж.

Ополоснуться, повторить.

Последнюю ночь я помню не очень хорошо.

Не кажется ли тебе это странным? Я помню, что мы вернулись в ночной клуб, где познакомились, он назывался «Дискотека пальмерас», но не помню ни как мы выходили оттуда, ни как шли в горку до твоей многоэтажки, – почему ты вообще жила в квартире, а не в отеле или хостеле, как все наши ровесники? почему у тебя не было ни соседок, ни подруг, ни каких-либо других знакомых в Фуэнхироле, кроме этого Базза? почему мне не пришло в голову задать тебе все эти вопросы? – зато хорошо помню, как на следующий день меня разбудило горячее испанское солнце.

Я лежал в твоей постели. Я помню, как застонал, когда солнце ударило мне в лицо, сообщив, что если его лучи падают под таким углом, то уже по меньшей мере полдень, а мы снова забыли задернуть шторы.

Я поморщился, заморгал и поднял руку, чтобы прикрыть глаза.

Вот только рука у меня почему-то была мокрая. Вся в чем-то влажном и липком. И я что-то сжимал в пальцах.

Я медленно поднес это что-то к глазам.

Нож.

В руке у меня был нож.

Весь покрытый липкой кровью.

Я повернулся в твою сторону.

И закричал.

Некоторые ученые полагают, что звук никогда не смолкает полностью, а становится все тише и тише, постепенно затухает, замирает до тех пор, пока наш слух не может уже его уловить, но никуда не исчезает, и если бы мы могли сидеть совершенно тихо и неподвижно, то слышали бы его до скончания века.

Ощущение от этого крика было именно такое.

И порой даже сейчас, в ночной тишине, я до сих пор слышу слабое эхо того крика.

Глава 1

Двадцать два года спустя

Я стою за деревом и методично снимаю номерные знаки автомобилей на телевик. На парковке яблоку негде упасть, так что начинаю я с самой дорогой машины – вот уж не ожидал увидеть рядом с этой помойкой «бентли» – и двигаюсь по списку дальше.

Я не знаю, сколько времени у меня в запасе, прежде чем выйдет мой объект, состоятельный мужчина по имени Пейтон Бут. Минут пять, возможно, десять. А фотографии я делаю вот зачем. Я отправлю их доверенной сотруднице в Департамент транспортных средств. Она пробьет номера и узнает адреса электронной почты владельцев. А потом разошлет им фотографии и пригрозит оглаской, если они не переведут деньги на анонимный аккаунт в «Cash App». Всего-то пятьсот долларов. Нет смысла жмотиться. Если они не ответят – а девяносто процентов именно так и поступают, – на этом все и заглохнет, но на оставшихся десяти процентах мы зарабатываем достаточно, чтобы дело того стоило.

Что поделать, такие уж сейчас времена. Каждый выживает как может.

Я расположился в другом конце сквера и выпляжу как бродяга, бомж или бездомный. Я забыл, как нынче полагается политкорректно их называть, поэтому спрашиваю у Дебби.

– «Люди, переживающие бездомность», – отвечает та.

– Seriously?

– Можно еще «люди, не имеющие постоянного жилья». И то и другое не сахар.

– А ты какое название предпочитаешь?

– Богиня.

Богиня Дебби утверждает, что ей двадцать три года, но выглядит она моложе. На жизнь Дебби зарабатывает, целыми днями простаивая перед разными, назовем их так, «мужскими клубами» – к слову о политкорректных эвфемизмах – и со слезами на глазах крича: «Папочка, зачем?» – каждому мужчине, который входит или выходит. Начала она этим заниматься развлечения ради – Дебби нравится смотреть, как некоторые мужчины краснеют и бледнеют, – теперь же многие завсегдатаи здороваются с ней и время от времени подбрасывают двадцатку.

– Я делаю это в качестве упражнения в капитализме и этике, – сообщает она мне.

– Это как?

– Ну, с капитализмом все и так понятно.

У Дебби хорошие зубы. Среди тех, кто живет на улице, такое встретишь нечасто. Волосы у нее вымыты. На голых руках не видно следов от уколов.

– Ты зарабатываешь деньги, – говорю я. – А что с этикой?

Ее нижняя губа дрожит.

– Иногда какой-нибудь малый слышит меня и бросается прочь. Как будто мне удалось его образумить. Напомнить ему, каким человеком он должен быть. И кто знает, может быть, если бы какая-нибудь девочка крикнула это моему папочке, если бы какая-нибудь девочка сделала что-нибудь... что угодно, чтобы он не ходил по таким местам...

Она умолкает. Потом опускает глаза, несколько раз смаргивает и дрожит губой.

Я некоторое время внимательно смотрю на нее, потом говорю:

– Хнык-хнык.

Моргание и дрожь немедленно прекращаются.

– Что?

– А ты думала, я куплюсь на слезливые рассказы о тяжелом детстве? – Я качаю головой. – Я был о тебе лучшего мнения.

Дебби со смехом тычет меня кулаком в плечо:

– Черт, Кирс, ты, наверное, был отличным полицейским.

Я пожимаю плечами. Был. Я не спрашиваю, как Дебби докатилась до жизни на улице. Я не спрашиваю, а сама она откровенничать не рвется, и такое положение вещей устраивает нас обоих.

Я бросаю взгляд на часы.

– Пора? – спрашивает Дебби.

– Думаю, да.

– Код помнишь?

Я его помню. Если она закричит: «Папочка, зачем?» – значит вышел не тот, кто нам нужен. Если же она закричит: «Но папочка, я же ношу твоего ребенка!» – значит мой друг Пейтон только что вышел. Код придумала Дебби. Я плачу ей пятьдесят долларов, но, если мне удастся раздобыть то, что нужно «Белой кости», подниму сумму до сотни.

Дебби направляется по дорожке к месту, откуда хорошо просматривается входная дверь. Из моего укрытия ее не видно. Дебби видела фотографию Пейтона Бута у меня в телефоне, так что знает, как он выглядит. Вы, наверное, уже догадались, что Пейтон разводится.

Моя задача проста.

Подловить его на измене.

Вот до чего я докатился после того, как меня вышибли из полиции, когда я накосячил по-крупному. Но что еще хуже, хотя я и работаю на самую престижную адвокатскую контору на Манхэттене, они не платят мне ни цента. У нас с ними что-то вроде бартера. На меня подала в суд семья подростка по имени Пи-Джей Доусон. Согласно материалам иска, я, осуществляя погоню за Пи-Джеем, загнал его на крышу трехэтажного здания. По причине моей преступной халатности несовершеннолетний Пи-Джей, поскользнувшись, упал с крыши, пролетел три этажа и получил серьезные ранения. Адвокатская контора «Белая кость» (вообще-то, ее настоящее название «Беллоу&Кост», но все называют их «Белой костью») представляет мои интересы, а я за это неофициально делаю для них подобного рода работу.

Америка – страна возможностей.

Пейтон возглавляет крупный консервативный конгломерат и, по слухам, поскольку все мы лицемеры, большой ходок по части дам. Если верить тому, что его жена сообщила своему адвокату, ее будущий бывший питает слабость к «смазливym блондинистым шалавам с гигантскими силиконовыми сиськами». Она совершенно убеждена, что Пейтон «крутил шашни с соседкой». Я тщательно все проверил, и да, соседка подходит под такое описание, но нет, он не крутит с ней шашни.

Пейтон предусмотрительно оставил свой «лексус» в укромном уголке парковки, подальше от любопытных глаз. Потому-то я и устроился на этом холме, в единственной точке, где можно установить камеру и снять все то, что может произойти. Если подойду ближе, меня неминуемо заметят. Если устроюсь дальше, получу шиш с маслом, а не фотографии. Единственный способ заполучить вожаемые кадры – сидеть здесь и ждать сигнала о том, что мой друг Пейтон вышел.

Парковка расположена таким образом, что вплотную примыкает к круглосуточному магазинчику и цветочной лавке, которые обеспечивают клиентуре «мужского клуба» надежное прикрытие. Дело в том, что, если я сфотографирую Пейтона на выходе из клуба или на парковке, в суде такое доказательство не будет иметь практически никакого веса. А вот если мне удастся заснять его в обществе танцовщицы (и опять эвфемизм; разве мы все не скучаем по тем временам, когда можно было говорить то, что думаешь?), это будет весомый аргумент.

– Папочка, зачем?! – голосит Дебби.

Моя камера укреплена на треноге. Я навожу объектив на салон «лексуса». Да, прямо сквозь лобовое стекло. Я все еще смотрю в окошечко видоискателя, когда у меня за спиной раздается голос:

– А где Дебби?

Я стремительно оглядываюсь и обнаруживаю человека, переживающего бездомность (или, если вам больше так нравится, без постоянного жилья).

– Она работает, – отвечаю я.

– Меня зовут Реймонд.

– Привет, Реймонд.

– Дебби обычно приносит мне сэндвич.

– Потерпи немного, Реймонд, ладно?

– Она знает, что я не люблю майонез.

– Понял.

– Дебби не рассказывала тебе, как реактивные самолеты держатся в воздухе?

– Нет.

– Хочешь, расскажу?

– А у меня есть выбор, Реймонд?

– Ведьмы, – сообщает он.

– Ведьмы, – эхом отзываюсь я.

– Летучие ведьмы, если точнее. По три на самолет. Одна держит правое крыло, другая левое, а третья – хвост!

– Я летал на самолетах, – говорю я. – И даже несколько раз сидел у крыла. Но никаких ведьм ни разу не видел.

Не знаю, зачем я это говорю, просто иногда я ляпаю или делаю что-то, не особенно задумываясь о последствиях. Возможно, это объясняет, почему я теперь, вместо того чтобы ловить убийц и закоренелых преступников, торчу с фотоаппаратом возле сомнительного заведения.

– Они невидимые, придурок, – хмурится Реймонд.

– Невидимые летучие ведьмы?

– Ну да, – говорит он таким тоном, как будто моя глупость вызывает у него отвращение. – Думаешь, гигантские металлические трубы способны держаться в воздухе сами по себе? Не смеши меня. Ты что, веришь во все, что правительство пытается тебе внушить?

– Справедливое замечание, Реймонд.

– Среднестатистический аэробус весит как минимум сто пятьдесят тысяч фунтов. Ты это знал?

– Нет.

– И нам предлагают поверить в то, что такая громадная машина способна продержаться в воздухе на всем протяжении перелета через океан?

– Ага.

– Раскрой глаза, чувак. Тебе вешают лапшу на уши. Ты в курсе о существовании гравитации? Это противоречит всем законам физики!

– Следовательно, это ведьмы, – говорю я.

– Именно. Ведьмы, чувак. И это одна большая подстава для человечества.

Я не удерживаюсь:

– Что ты имеешь в виду, Реймонд?

Он насупливается:

– Разве это не очевидно?

– Мне – нет.

– В один прекрасный день, – поясняет Реймонд, потирая ладони и облизывая губы, – когда мы будем меньше всего этого ожидать, все ведьмы разом возьмут и отпустят.

– Самолеты?

Он удовлетворенно кивает:

– Именно. Все ведьмы возьмут и разом отпустят все самолеты. И будут смеяться. Ну, знаешь, этим своим ведьминским смехом. Будут смеяться и смотреть, как все самолеты камнем летят вниз.

Он смотрит на меня.

– Жуть, – говорю я.

– Помяни мое слово. Так что советую тебе, пока не поздно, уладить все свои дела с Господом.

Снизу доносится голос Дебби:

– Но, папочка, я же ношу твоего ребенка!

Есть!

– Давай поговорим об этом попозже, Реймонд?

– Скажи Дебби, что я жду сэндвич. И чтобы без майонеза.

– Всенепременно.

Я смотрю в видеоискатель и вижу Пейтона в деловом костюме. Увы, он один. Пейтон садится на водительское сиденье. Я жду в надежде, что к нему кто-нибудь присоединится, но никто не идет. Пейтон заводит машину.

Однако выезжать с парковки не спешит.

Не отрываясь от видеоискателя, я улыбаюсь. На парковке под вопль Дебби «Папочка, зачем?» появляется усатый мужчина в деловом костюме.

У меня звонит телефон. Это Артур, мой куратор из адвокатской конторы «Белая кость».

– Ты там его пасешь?

– Пасу.

– Хорошо. Подписание бумаг завтра утром.

– Я в курсе.

– Если мы не получим доказательств, что он ей изменяет, она не сможет разорвать брачный договор.

– Я в курсе.

– У тебя наклеывается что-нибудь или нет?

Кто-то открывает дверцу машины Пейтона и плюхается на пассажирское сиденье. Пейтон поворачивается.

Они начинают целоваться как бешеные.

Только этот кто-то вовсе не грудастая блондинка.

Это тот самый усач в деловом костюме.

Глава 2

Вечером, за несколько минут до того, как все снова пошло наперекосяк, я вел занятие в вечерней школе с туманным, но интригующим названием «Вечерняя академия для взрослых» в Нижнем Ист-Сайде. Эта школа до сих пор рекламируется в бесплатных журналах и буклетах, которые лежат перед входом в метро, и на баннерах над сиденьями в поездах линий F и M. В буклете, который рекламирует мой курс, я именуюсь «всемирно известным бывшим полицейским детективом», а фотопортрет, которым проиллюстрировано это объявление, настолько неудачен, что в Департаменте транспортных средств сотрудники, фотографирующие на права, удавились бы от зависти.

Занятие длится с восьми до десяти вечера, оплата по факту присутствия. Мы берем по шестнадцать баксов за занятие. Наличными. Выручку я делю поровну с Чилтоном, «директором» «Вечерней академии для взрослых», поэтому и четное число. Чилтон по совместительству исполняет обязанности единственного сторожа в здании, так что я не знаю, насколько вся эта затея со школой законна. Впрочем, меня это не особо заботит.

Мы находимся в тени Баруч-Хауса, комплекса многоэтажек неподалеку от Вильямсбургского моста на Ривингтон-стрит. Я не уверен даже, что вы найдете эту улицу на карте. Само здание больше похоже на руину, нежели на строение. В 1901 году здесь открылась первая в городе общественная баня. Слыша такое, некоторые ожидают увидеть нечто экзотическое или гламурное. Вовсе нет – общественные бани строили для гигиены, а не для красоты.

Я как-то из интереса почитал об этом. В те времена в Нижнем Ист-Сайде на семьдесят девять семей приходилась одна ванна. Да тут от одного только запаха статистики блевануть хочется, верно? По некоторым признакам можно угадать, что тут было раньше, хотя моя аудитория представляет собой огромный зал с голыми бетонными стенами и неплохой акустикой, и иногда я вижу призраки прошлого, пусть даже и не могу их обонять.

Впрочем, я склонен к подобным вещам.

Мой курс посвящен криминалистике. Я решил назвать его «Элементарно, Ватсон». Ну да, фраза избитая, но запоминается же. Перед началом каждого занятия я пишу на передвижной доске какую-нибудь цитату из «Шерлока Холмса» (специально для буквоедов: из того, что написал сэр Артур Конан Дойл). Потом мы ее обсуждаем. А дальше как пойдет. Когда я начинал шесть недель назад, студентов у меня было двое. Сегодня я насчитал их двадцать три: двадцать один платный и двое – Дебби и Реймонд – обучаются за счет стипендии имени Сами Кирса. Дебби слушает раскрыв рот. Реймонд на протяжении всего занятия подстригает ногти на ногах, внимательно разглядывая каждый, прежде чем обрезать его с педантичностью пенсионерок из компании моей бабушки, высчитывающих, сколько причитается с каждой за совместный выход в ресторан на обед.

Группа у меня разношерстная. В первом ряду сидят три женщины за семьдесят, именующие себя Розовыми Пантерами. Они детективы-любительницы, обожающие смотреть передачи в жанре трукрайм и расследовать преступления, о которых прочитали в газете. Я видел кое-что из того, на что способны Розовые Пантеры, и был впечатлен. Как это ни забавно, в противовес троице Пантер в группе есть три другие женщины, только молодые, лет, думаю, около двадцати пяти, симпатичные. Они, если верить тому, что мне рассказывали, сперва набрали себе аудиторию в «Инстаграме»², а не так давно запустили трукрайм-подкаст под названием «Три убийственные красотки». Я подозреваю, что среди моих студентов имеется еще как минимум несколько желающих стать трукрайм-подкастерами, а также фанатов трукрайма. Парень по

² Деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms, Inc.* по реализации продуктов – социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации.

имени Гекс, который всегда ходит в серых спортивных штанах и такого же цвета худи, хочет раскрыть убийство своей тетки, которое произошло в 1982 году. Есть еще Гольфист Гэри, тот носит отутюженные рубашки поло с логотипом какого-то элитного гольф-клуба. Я бы сказал, что он позер, который пытается пустить пыль в глаза всем нам тут в Нижнем Ист-Сайде, но я все-таки опытный детектив, и что-то в манере Гэри держаться очень пахнет старыми деньгами. Не знаю уж, что его сюда привело, но Гэри возбуждает мое любопытство. У каждого из нас есть своя история, но в этой группе просто все как на подбор.

Когда чуть больше половины занятия позади, в боковую дверь кто-то проскальзывает.

Моя чуйка напрягается. А может, мне так кажется уже теперь, по прошествии времени.

Краем глаза я вижу силуэт. Я не приглядываюсь. К нам в аудиторию постоянно кто-то забредает. На прошлом занятии появился старик с грязно-седой бородой, такой кустистой, что казалось, он поедает овцу. Приложив руки ко рту рупором, он проорал: «Гиммлер любит стейки из тунца!», после чего удалился.

Эту часть занятия я про себя называю «Показываем и рассказываем». Сегодня выступает Ленни Треники. Я не очень понимаю, что он за человек. С одной стороны, он каждый раз норовит подсесть поближе к «Красоткам», но с другой – впечатление производит безобидное. Ленни водружает на крошащуюся бетонную плиту, которую мы используем вместо стола, коробку и принимается извлекать из нее гаджеты.

– Это трекеры для отслеживания местонахождения объекта, – сообщает он своим товарищам.

Как же ты, Сами, дошел до жизни такой? – возможно, зададитесь вопросом вы. После того лета с Анной моя жизнь пошла под откос. Вернувшись домой, я не находил себе места. Я превратился в затворника. Передумал идти в медицинскую школу. Мои родители очень старались проявить понимание, но были уверены, что это пройдет. Возьми академический отпуск на год, настаивали они. Я взял. Возьми еще год. Я взял. И все равно так и не смог вернуться. Я всю жизнь хотел стать врачом. И не стал. Это уничтожило моих родителей.

– У меня всегда при себе как минимум три таких устройства, – продолжает Ленни.

– Seriously? Три? – переспрашивает «красотка» номер один.

– Всегда. Вот, видите? – Ленни демонстрирует ей черную прямоугольную коробочку. – Это «Алерт 1А4». Помните рекламу «Я упал и не могу подняться»?

Ответом ему служат многочисленные кивки. Реймонд с усилием щелкает кусачками. Обрезок ногтя взмывает в воздух.

Гольфист Гэри хватается за щеку:

– Ай! Что это было? Я сейчас чуть без глаза не остался!

Реймонд поднимает руку и указывает на себя:

– Это я виноват, это все я.

Ленни между тем невозмутимо продолжает свою презентацию:

– А вот этот трекер более продвинутый, потому что у него больше функций. Можно заглушить его с этого конца, – он демонстрирует, с какого именно, – а микрофон оставить включенным, так что он будет исполнять функцию одновременно трекера и подслушивающего устройства. Жаль только, аккумулятор у него быстро садится. – Он обводит аудиторию взглядом. – Кстати сказать, это их общая проблема. GPS очень быстро жрет заряд. Теперь вот этот. – Ленни вытаскивает устройство, по форме похожее на толстую монету. – Может работать до шести месяцев, но, чтобы поймать сигнал, нужно находиться от него в радиусе двадцати ярдов.

«Красотка» номер два поднимает руку и, продолжая жевать жвачку, говорит:

– Это прямо сталкерство какое-то.

Номер один (тоже жуя жвачку):

– Вот уж точно.

Номер три (тоже жуя жвачку):

– Натуральное извращение.

Номер два:

– Существует множество других способов познакомиться!

Номер один:

– Ты, может, и пластиковые хомуты при себе носишь?

– Нет! – багровеет Ленни. – Я их ни для чего такого не использую!

Номер один:

– И для чего же ты тогда их используешь?

– На случай, если стану свидетелем преступления. Взять, к примеру, вот этот. – Он двумя руками поднимает маленький GPS-трекер, как будто это Симба в самом начале мультфильма «Король Лев». – В нем установлен мощный магнит. Можно прилепить его на машину.

Номер два:

– И-и-и-и тебе, определенно, уже доводилось это делать, да?

Номер один:

– И не однажды.

Номер три:

– Например, чтобы познакомиться с девушкой.

Номер один:

– Один парень как-то раз проделал со мной такой фокус.

Номер два:

– Да иди ты!

Номер три:

– Что, серьезно?

Номер один:

– Ну, он налепил трекер на мою машину, чтобы устроить возможность, цитирую, «нечаянно столкнуться друг с другом».

Номер два:

– Ужас.

Номер один:

– Это, что ли типа совершенно случайно?

Номер три:

– Ну.

Номер два:

– И как, у него получилось?

Номер три пожимает плечами:

– Ну, вроде как да. Только он ездил на «порше».

Номер один:

– А ты на чем едешь, Ленни?

Ленни всплескивает руками:

– Я в такие игры не играю.

Номер один:

– Как по мне, это извращение.

Номер два:

– Да пипец. Если только... так на какой машине ты едешь, Ленни?

– Мистер Кирс! – скулит Ленни.

– Так, ладно, – говорю я; подойдя к нему, забираю первый трекер и небрежно подбрасываю его в воздух. – Думаю, нам всем следует...

И тут я вижу Анну.

Я замираю и хлопаю глазами. Мне хочется потрясти головой, чтобы прийти в себя.

Я знаю, что это невозможно, и поначалу никак не реагирую. Пытаюсь тянуть время.
Мне не впервые мерещатся покойники.

В прошлом году я дошел до такого состояния, что не просто видел галлюцинации, а в полном смысле слова вел диалоги с другой моей убитой возлюбленной, Николь.

Да, убитой.

Кажется, дамы, встречаться со мной небезопасно.

Безвкусная шутка.

Но когда мне мерещилась Николь, она была в точности такой, как раньше, в тот день, когда ее убили, – той же пронзительно красивой двадцатилетней девушкой, которую я считал своей невестой. Ни на день не постаревшей.

Мне и раньше иногда мерещилась Анна. Вы же знаете, как оно бывает. Ты видишь женщину с длинными рыжеватыми волосами где-нибудь в людном парке или в переполненном баре на Манхэттене, и на мгновение тебя охватывает уверенность, что это Анна, а потом ты смаргиваешь или похлопываешь ее по плечу, видишь чужое лицо – и реальность возвращается.

Именно так я и поступаю теперь. Моргаю. Потом моргаю еще раз. И для верности слегка трясую головой, чтобы прийти в себя. Но все это я делаю, уже понимая: на сей раз все по-другому. В прошлом все видения, что, конечно, слишком сильно сказано, всегда были той Анной, какую я помнил, двадцатилетней (или сколько там ей было на самом деле) Анной. У нее были длинные рыжеватые волосы и дымчатые глаза, что странно. Я не помню, какого цвета у нее были глаза – возможно, потому, что, когда я в последний раз их видел, они были закрыты, – но теперь, в толпе смердящих призраков, населяющих бывшую баню, я вижу, что у этой женщины глаза ореховые, – и внезапно вспоминаю.

У Анны были ореховые глаза.

Кто-то – кажется, это Гольфист Гэри, – произносит:

– Кирс? Вам нехорошо?

Вот только у этой женщины волосы не длинные и не рыжеватые. Они светлые и коротко подстриженные. Во времена нашего с Анной знакомства она не носила очков. На носу у этой женщины стильные круглые очки в проволочной оправе. Анне было двадцать. Этой женщине явно за сорок.

Это никак не может быть она.

Псевдо-Анна шархается. Все это время она стояла, прислонившись к стене, а теперь спешит скрыться.

– Кирс?

– Продолжай презентацию, Ленни. Я сейчас вернусь.

Я бросаюсь за ней вдогонку.

Все студенты как по команде поворачивают голову мне вслед. Они, разумеется, понимают: происходит что-то странное. Поскольку они изучают криминалистику, в силу их склонностей и ситуации им любопытно. Студенты смотрят во все глаза. Я слышу скрип стульев: кажется, все готовы последовать за мной.

– Посидите тут, – бросаю я.

Они неохотно подчиняются.

Я выбегаю из аудитории. Откуда-то снизу доносятся гулкие шаги. В этом здании любой звук отзывается эхом. Я бросаюсь на этот звук. Ко мне уже до некоторой степени успевает вернуться здравомыслие. Я напоминаю себе, что у меня уже раньше бывали галлюцинации. Я уже говорил, в прошлом году, когда мне мерещилась моя убитая невеста Николь. Я вел с ней самые настоящие разговоры. В какой-то момент Николь из галлюцинации даже уговорила меня спуститься с моста, с которого я собирался прыгнуть. Она привела меня в разум, а потом убедила – галлюцинация, можете себе такое представить? – вернуться домой к моей беременной невесте – ныне жене – Молли.

Прежде чем вы сочтете, что я совсем спятил, спешу сообщить: все эти галлюцинации были не по моей вине. Они оказались побочным эффектом некачественного лекарства, которое едва меня не прикончило, в сочетании с особенностями биохимии моего организма и – не будем уж умалять моих собственных заслуг – последствиями многолетнего злоупотребления алкоголем.

Едва только я перестал принимать этот препарат, галлюцинации прекратились.

И все же, разве галлюцинация не была лучшим объяснением?

Это никак не может быть Анна.

Такое попросту невозможно.

И тем не менее в каком-то смысле могло бы все объяснить.

Забавно, как быстро изменяется восприятие. Я уже готов признать то, во что верил последнюю четверть века, неправдой.

Есть лишь один способ это выяснить.

Поскольку любой звук здесь сопровождается эхом, я отчетливо слышу, как незнакомка бежит вниз по лестнице. Я бросаюсь следом, перескакивая через две, а то и через три ступеньки за раз. Я вижу ее. Она уже внизу.

– Постойте, – говорю я. Не кричу. С таким эхом никакой нужды кричать нет. Но главное, я не хочу ее пугать. Я просто хочу, чтобы она остановилась. – Пожалуйста, – добавляю я. – Я просто хочу поговорить.

Возможно, она увидела безумное выражение моего лица и решила, что я представляю опасность. Возможно, как и Тунцовый Гиммлер, она просто случайно забрела в аудиторию с улицы в поисках безопасного местечка, чтобы погреться, спокойно посидеть и подумать, перевести дух.

Но эта женщина не похожа ни на попрошайку, ни на человека в трудных жизненных обстоятельствах. Я успел заметить у нее на запястье массивный золотой браслет. Да и светлое-коричневое кашемировое пальто явно стоит немалых денег.

Она уже почти у самого выхода.

Я отбрасываю всякую осторожность и прибавляю ходу. Псевдо-Анна протягивает руку к дверной ручке. Еще миг – и она растворится в ночном Нижнем Ист-Сайде. Раздумывать некогда. Ее рука ложится на ручку и поворачивает. Я одним прыжком преодолеваю разделяющее нас расстояние и хватаю женщину за локоть.

Она кричит. Громко. Как будто я пырнул ее ножом.

– Анна, – говорю я.

– Отпустите меня!

Я держу ее за локоть и смотрю ей в лицо. Женщина отворачивается от меня и пытается вырваться. Я крепче сжимаю пальцы. Наконец она оборачивается и устремляет на меня взгляд. Наши глаза встречаются.

И от моих сомнений не остается и следа.

– Анна, – повторяю я снова.

– Отпустите меня.

– Ты меня помнишь?

– Вы делаете мне больно!

И тут я слышу знакомый низкий голос:

– Кирс?

Это Чилтон. Он в белом облегающем комбинезоне, похожем на тюремный, закатанные рукава перетягивают накачанные ручки, точно жгуты. Чилтон родом с Ямайки, верзила с сильным растаманским акцентом, бритой головой и серьгой-колечком в ухе. Он хочет, чтобы его звали черным Мистером Пропером. Никто его так не зовет, но, если честно, он очень даже похож.

Анна действует молниеносно. Воспользовавшись тем, что я отвлекся, она выдергивает руку. Я снова хватаю ее за рукав бежевого пальто – я не ошибся, это в самом деле кашемир, – спеша провернуть задуманное, поскольку краем глаза вижу, что Чилтон решительно направляется ко мне. Времени у меня в обрез. Я не хочу потерять Анну из виду, но понимаю, что пытаться задержать ее насильно неразумно. Все до единой ошибки, которые я совершил за свою жизнь – а их было великое множество, – сделаны, когда я действовал импульсивно.

Чилтон подходит ко мне и кладет руку на плечо. Ладонь у него весом и размером примерно с крышку люка. Толстые пальцы стискивают мое плечо железной хваткой, и я почти падаю на колени.

Анна выскакивает на улицу.

Я не смог бы сдвинуться с места, даже если бы хотел. А я не хочу. У меня нет необходимости ее преследовать.

Я получил, что хотел.

Чилтон выпускает меня. Я распрямляюсь в полный рост, который, наверное, на добрый фут меньше его роста. Чилтон смотрит на меня сверху вниз, положив руки на бедра.

– Ты что творишь, Кирс?

– Она не заплатила за занятие, – не моргнув глазом, лгу я.

– Что-что?

– Эта женщина пришла ко мне на занятие, отзанималась, а когда я попросил ее заплатить...

– И ты за ней погнался? – ошеломленно спрашивает Чилтон.

– Ну да.

– За белой женщиной?

– Не будь расистом, Чилтон.

– По-твоему, это смешно?

Я поднимаю руку ладонью вниз и слегка покачиваю туда-сюда, показывая, что более или менее.

– Я настоятельно советую тебе не гоняться за белыми женщинами, – говорит он. – Не в этом городе. Что я тебе сказал в самый первый день, когда ты только пришел ко мне работать?

– «Если ты не будешь приносить мне деньги, я знать тебя не желаю».

– А после этого?

– Не гоняться за белыми женщинами?

Чилтон качает головой:

– Не устраивать проблемы.

– А-а, – говорю я. – Точно.

– Я дал тебе эту работу по доброте душевной.

– Знаю, Чилтон.

На самом деле это был скорее баш на баш. За то, что Чилтон дал мне эту подработку, мой бывший напарник Марти аннулировал три его штрафа за неправильную парковку.

– Не заставляй меня пожалеть о моей щедрости, – говорит Чилтон.

– Прости, ты прав. Я погорячился. – Я указываю пальцем наверх. – У меня там двадцать с гаком платных студентов.

– Серьезно? – оживляется Чилтон. – Так много? – Он машет в сторону лестницы. – Иди, иди.

Дважды повторять мне не нужно, хотя именно это он только что и сделал.

– Может, тогда на следующей неделе поднимем цену до восемнадцати долларов? – предлагает Чилтон. – Посмотрим, много ли отвалится. А еще через неделю – до двадцати.

– Тонко, – говорю я, уже спеша по лестнице вверх.

Студенты встречают меня гробовой тишиной. Все глаза устремлены на меня.

– Ленни, – киваю я в сторону коридора, – можно тебя на пару слов?

– О-о-о... – дружно выдыхают студенты, как будто они в третьем классе, а я только что отправил Ленни в кабинет директора. Да и сам Ленни тоже смотрит на меня с беспокойством, явно не понимая, чего ожидать, так что я добавляю: – Ты не сделал ничего плохого.

Когда мы выходим, я разблокирую свой телефон и протягиваю ему:

– Хочу попросить тебя об одной услуге.

Ленни смотрит на экран.

– О какой?

– Загрузи приложение от своего трекера, – прошу я его.

Когда у двери я схватил Псевдо-Анну за рукав, я незаметно подкинул один из трекеров Ленни в карман ее пальто.

– Это еще зачем?

– Мне нужно приложение, – говорю я.

– Для чего?

– У меня запланирована нечаянная встреча.

Глава 3

Псевдо-Анна уже на Рузвельт-драйв.

Это означает, что она либо спринтерша мирового класса, либо приехала сюда на машине. Неожиданно. На машине в этот район никто не ездит, потому что поблизости негде парковаться. Все ездят на метро. Такси сюда тоже заезжают крайне редко. Конечно, Анна могла вызвать «Убер», но, чтобы она успела оказаться там, где сейчас находится, «Убер» должен был подъехать за несколько секунд, что опять-таки в этом районе крайне маловероятно.

Хотя чем черт не шутит.

Я сам, конечно, тоже без машины. Место в паркинге стоит безумных денег, так что я чаще всего оставляю свой дышащий на ладан «форд-таурус» 2002 года выпуска, который десять лет тому назад купил с рук у одного спортивного агента, во дворе у моего друга Крейга, в Квинсе. За это он берет с меня пятьдесят баксов в месяц. «Тоже мне друг», могут сказать некоторые, но если вы живете здесь, то понимаете, что это более чем по-божески. У меня мелькает мысль взять такси и, следя за трекером, говорить водителю, куда ехать, но потом я решаю, что это будет, во-первых, подозрительно, а во-вторых, дорого. Трекер лежит у нее в кармане. Он работает. Я могу позволить себе проявить терпение.

Я доезжаю на метро до Квинса и пешком преодолеваю три квартала до дома Крейга. Свет не горит. Крейга нет дома. Он держит ключи от машины в кухне. Я свои всегда ношу при себе. Я сажусь в машину, выкруливаю на дорогу и проверяю приложение. Псевдо-Анна стоит в пробке в районе Сто двадцать пятой улицы, примерно там, где Рузвельт-драйв превращается в Гарлем-Ривер-драйв. Понятия не имею, зачем кому-то пришлось в голову менять название. Дорогата та же самая. Все только путаются, даже местные, а вот пробки на Рузвельт/Гарлем-Ривер-драйв – не исключение, а норма. Отличительная черта этой автомагистрали – нескончаемый ремонт дорожного полотна, ради которого ее то и дело перекрывают в ночное время. Я включаю навигатор, чтобы понять, как мне добраться до Псевдо-Анны. Если она собирается оставаться на Манхэттене, то проще всего выехать из Квинса по мосту Роберта Кеннеди, но все шансы за то, что она поедет дальше на север. С такими пробками, если бы она хотела остаться на Манхэттене, то съехала бы с Рузвельт-драйв на одну из параллельных улиц.

И тем не менее. Я ни малейшего понятия не имею, куда едет Псевдо-Анна, поэтому мне приходится постоянно поглядывать одним глазом на экран смартфона. И как раз когда я это делаю, телефон начинает звонить. Поверх приложения появляется прекрасное лицо моей жены Молли.

Меня подмывает проигнорировать звонок, но нет, это будет неправильно. Я нажимаю на кнопку «Ответить», провожу большим пальцем по экрану, чтобы вернуть карту с трекером обратно, и пытаюсь говорить нейтральным тоном.

– Привет, – произношу я.

– Привет, красавчик. Как прошло занятие?

– Хорошо, – отвечаю я.

Мне в жизни приходилось скрывать очень многое. Так бывает, когда сильно пьешь. Не то чтобы это было сенсационной новостью. Я слишком часто лгал женщинам, с которыми был в отношениях, а у Молли в анамнезе были отношения, в которых лгали ей. Когда в прошлом году мы поженились, я дал ей слово, что с этим покончено, что между нами не будет ни лжи, ни секретов ни в каких вопросах, какими бы сложными или серьезными они ни были. И я держал слово, хотя ни про Анну, ни про то лето в Испании так ей и не рассказал. Не знаю уж, ложь это или умолчание. Единственный человек в мире, которому я без утайки рассказал обо всем, что произошло в ту ночь, это мой отец. Его ответ был кратким: «Садись на первый же самолет и дуй домой».

Больше мы с ним об этом не говорили. Ни разу.

– Ты уже едешь в сторону дома? – спрашивает Молли.

– Пока нет, – говорю я. – Возникло кое-какое дельце.

– Дельце?

Я слышу в голосе Молли что-то такое, что мне не нравится. Мне хочется ее успокоить, но я не собираюсь врать. Я намерен сдержать слово.

– По телефону долго объяснять, – говорю я.

– Ясно.

– Не волнуйся. Я все тебе расскажу, когда приеду домой. – Я бросаю взгляд на трекер на экране. Псевдо-Анна едет по Кросс-Бронкс-экспрессвей на восток. – Как Генри? – спрашиваю я.

Генри – наш маленький сын. Ему почти годик. Когда он родился, весь мой мир сжался до размеров этого комочка весом в шесть фунтов пятнадцать унций. До ребенка у тебя одна жизнь. После – совершенно другая. Я говорю это вовсе не для того, чтобы убедить кого-то завести ребенка или, наоборот, отговорить от этого. Делайте так, как считаете правильным для себя. Но реальность заключается в том, что, хотите вы того или нет, ребенок меняет абсолютно все на молекулярном уровне. И избежать этого не может никто.

– Веселится. Сна ни в одном глазу, – говорит Молли. Со сном у Генри проблемы с самого рождения. Потом она спрашивает тоном, который мне по-прежнему не нравится: – Ты знаешь, во сколько будешь дома?

– Пока нет, – отвечаю я.

– Значит, это что-то важное, верно?

Я не очень понимаю, что ответить.

– Пожалуй. Но беспокоиться тебе не о чем.

– Ты говоришь загадками, – замечает Молли.

– Я не нарочно. Могу попробовать объяснить тебе все сейчас...

– Но предпочел бы не по телефону, а лично.

– Да, – говорю я. – Так было бы намного лучше.

– Ладно. Я люблю тебя, Сами.

– А я тебя еще больше, – отвечаю я, потому что так оно и есть.

Молли кладет трубку первой. Я наверстываю время на Мэйджор-Диган и не успеваю опомниться, как мы с Псевдо-Анной уже едем по Интерстейт-95 в направлении Коннектикута. Проверяю датчик уровня бензина и с облегчением вижу, что у меня осталось еще полбака. Крейг частенько берет мою машину попользоваться, о чем мы, конечно, не договаривались, но он знает, что я не против, и после этого обыкновенно заправляется. Крейг работает администратором в зоопарке в Бронксе. Его жена Касси, шумная и полная жизни женщина, умерла от рака яичников два года назад, и теперь, даже когда Крейг улыбается, глаза у него все равно остаются грустными.

Я не свожу взгляда с дороги. Трекер съезжает с магистрали на съезде номер 3. Я делаю то же самое. Мозг лихорадочно работает, пытаюсь придумать, каким образом это могла быть Анна и зачем она явилась ко мне на занятие, но потом вспоминаю цитату из «Шерлока Холмса», которую сам же вывел на старой доске:

«Строить гипотезы, не имея на руках всех данных, – фундаментальная ошибка. Неизбежно начинаешь подгонять факты под гипотезу, а не гипотезу под факты».

Короче говоря, будь готов ко всему. Не спеши строить гипотезы раньше времени. Подожди, пока не будешь знать больше.

Вот только этого не случится.

Мне вспоминается полицейский из Фуэнхирола Карлос Осорио, его молодое, но усталое от жизни лицо, на котором было написано, что он не верит ни единому моему слову, когда

я рассказывал ему правду. Ну или частичную правду. Не всю правду целиком. Да и кто на моем месте в такой ситуации стал бы рассказывать полицейскому всю правду? Кто, к примеру, упомянул бы о том, что проснулся с оружием убийства в руке? Но я был бестолковым юнцом – я уверен, Осорио догадался, что я не до конца с ним честен. Мне вспоминается, как он сложил руки на груди и терпеливо ждал, пока я не догадаюсь, что пора заткнуться, а потом начал один за другим задавать мне прицельные вопросы: «Сколько вы выпили? А курили что? А нюхали? Может, мне прямо сейчас отправить вас на анализ на наркотики?»

Я еду следом за трекером по престижному району, который Молли назвала бы «пре-тенциозным», мимо шикарных ресторанов и нарядных бутиков, которые куда больше похожи на чье-то хобби, нежели на бизнес. Моя древняя колымага посреди этого глянцевого пригорода выглядит как сигарета в клубе приверженцев здорового образа жизни. Я опускаю окошко, чтобы вдохнуть запах денег. Потом сворачиваю налево, на улицы, застроенные особняками один другого роскошнее, – чем дальше отъезжаешь от главной улицы, тем больше и уединеннее становятся владения.

Я проезжаю милю. Потом две. За окном время от времени мелькают дома, но различить их в темноте можно только по мерцающим огонькам, пробивающимся сквозь густые живые изгороди. От дороги их отделяют затейливые чугунные ограды с воротами. Сложно поверить, что все это сосуществует в одном мире с Нижним Ист-Сайдом, что, опять же, не предполагает ни принижения, ни восхваления того и другого. Я человек определенно небогатый, и хотя могу понять примитивную притягательность громадных особняков – простое человеческое желание получить чего-то побольше, – кому на самом деле нужна такая куча места? В скольких комнатах одновременно может находиться человек? Мой отец, когда хочет предостеречь кого-то от жадности, использует поговорку «На двух лошадей одним задом не сядешь».

Думаю, тут она тоже подходит.

Между тем, судя по приложению, на протяжении последних семи минут трекер никуда не перемещался.

Она приехала домой? Не знаю. Если трекер правильно показывает местоположение, она не на улице. Я движением пальцев приближаю изображение. Если верить трекеру, Анна находится в 1,8 мили от того места, где сейчас я, в точке, удаленной по меньшей мере ярдов на двести-триста от ближайшей дороги.

Странно.

Вид со спутника был бы сейчас очень кстати, но у трекера нет такой опции. Я останавливаюсь на обочине дороги и нажимаю на три точки в правом верхнем углу приложения. Выпадающее меню предлагает точные координаты объекта. Я копирую их в Google Earth и жду, когда земной шар закончит крутиться.

Когда он останавливается, я вполголоса бормочу себе под нос:

– Ух ты...

Место, в котором, если верить трекеру, на протяжении последних вот уже девяти минут находится Анна – я для удобства буду называть ее просто Анной вместо Псевдо-Анны, – на спутниковой карте заблюрено.

Заблюрено?!

Это довольно необычно. По требованию правительства на спутниковых картах могут быть заблюрены изображения секретных объектов, таких как военные базы или определенные административные здания. Но я сомневаюсь, что это один из такого рода объектов, поскольку земля здесь слишком дорогая для всякой гольтыбы. Хотя возможность есть. Иногда Google Earth соглашается заблюрить изображение какого-то частного объекта по соображениям безопасности или приватности, если для этого имеются веские причины. Но нечасто. И не бесплатно.

Короче говоря, кто-то влиятельный или богатый хочет сохранить это место – место, в котором, судя по всему, сейчас находится Анна, – в секрете.

И что теперь?

Мне, разумеется, следует поехать домой. Перевести дух. Поговорить с Молли. Провести небольшое расследование. Местонахождение Анны я теперь знаю. Или думаю, что знаю. Может, она просто сделала остановку, чтобы отдохнуть. Или приехала в гости к подруге, которая здесь живет. Или собирается провести тут несколько часов или всего одну ночь. Может, она вообще через час или завтра утром поедет дальше.

Я проверяю иконку заряда аккумулятора в правом верхнем углу приложения. Осталось всего одиннадцать процентов. И сколько трекер еще проработает? От силы час?

А потом Анна снова исчезнет.

Я ведь не могу пойти на такой риск, правда?

На улицах ни души, единственный источник света – мои фары. Кажется, за последние три или четыре мили я не видел ни одной машины. Я еду по лесной дороге, пытаюсь подбаться как можно ближе к тому месту, где, судя по трекеру, находится Анна. Между деревьями появляется просвет. Я притормаживаю и вижу, что это подъездная дорожка, перегороженная коваными воротами. Они высокие, прутья наверху увенчаны остриями. За воротами виднеется деревянная будочка. В окне горит свет, и я различаю человеческий силуэт: видимо, это охранник.

Серьезные меры для частного дома.

Если, конечно, это на самом деле частный дом.

Я быстро осматриваюсь в поисках какого-нибудь знака или номера дома – задерживаться мне не хочется, – но ничего такого не видно. Можно, конечно, подъехать к воротам, но что потом? Времени одиннадцатый час. Притвориться доставщиком чего-нибудь я не могу, а просто сказать: «Я к Анне»... ну, в общем, не думаю, что это выгорит.

Мне-Импульсивному все равно хочется хотя бы попытаться. Мне-Импульсивному хочется подъехать к охраннику и сказать: «Я к Анне. Передайте ей, что меня зовут Сами Кирс и что мы с ней познакомились на Коста-дель-Соль, в Испании, двадцать два года тому назад». Я-Импульсивный нередко ошибаюсь. Я-Импульсивный сбежал тогда из комнаты и оставил Анну лежать в луже крови. Я-Импульсивный явился в полицейский участок в Фуэнхироле и заявил Осорио об убийстве. Я-Импульсивный загнал Пи-Джея на ту крышу и стал виновником его падения. Я-Импульсивный позволил Майе Стерн в одиночку отправиться в Фарнвуд, огромное поместье Джудит Беркетт, в результате чего она погибла, а я впал в немилость (если можно так сказать, потому что ни в какой милости у начальства я никогда и не был).

Наверное, Мне-Импульсивному стоило бы не лезть в это дело, но, как бы там ни было, возвращаться домой я не намерен.

Я медленно еду вперед по лесистой улице и, увидев небольшой просвет среди деревьев, останавливаюсь. Машину можно разглядеть с дороги, только если внимательно присмотреться. Я глушу двигатель и выключаю свет в салоне. Не думаю, что кто-нибудь увидит, но я и не собираюсь пробыть тут настолько долго, чтобы полицейские вызвали эвакуатор. Я достаю из бардачка лист бумаги и ручку и пишу: «Машина сломалась, скоро вернусь». Раздумываю, не приписать ли, что я полицейский, но это, во-первых, к делу не относится, а во-вторых, больше не соответствует истине.

Я выхожу из машины. Немедленно становится зябко – в воздухе уже чувствуется дыхание осени. Звезды здесь такие яркие, каких в городе никогда не увидишь. Я пользуюсь приложением как компасом. Трекер, который я подбросил Анне в карман, находится всего в двух десятых мили от того места, где я сейчас стою, но дорога пролегает через лес.

Оттягивать смысла нет.

Я захожу в лес. Можно было бы включить фонарик на телефоне, но я на всякий случай решаю этого не делать. На расстоянии нескольких футов от лица уже практически ничего не различить, так что мне приходится идти с вытянутыми вперед руками на манер монстра Франкенштейна, чтобы не впилиться в дерево.

Как только я слегка удаляюсь от дороги, деревья становятся немного реже, что ускоряет мое продвижение. Мне неизвестно, как у них организована система безопасности. Ворота с охранником выглядят впечатляюще, но это не значит, что вся территория охраняется точно так же. Не исключено, что вся бутафория просто для устрашения. Возможно, конечно, между деревьями натянута сигнальная проволока или установлены датчики движения, но это маловероятно. В лесу наверняка в изобилии водятся олени, белки и прочая мелкая живность. Сигнализация срабатывала бы постоянно.

Я продолжаю пробираться вперед. Бесшумно передвигаться не удастся, под ногами то и дело хрустят ветки и шуршат листья, но что тут поделаешь? Когда до трекера остается одна десятая мили, сквозь деревья начинает просачиваться свет. Я подбираюсь поближе, и, словно по мановению волшебной палочки, на горизонте возникает огромное поместье. Я останавливаюсь и смотрю на экран телефона. Судя по данным приложения, местоположение трекера указывается с точностью до десяти метров. Если это правда, Анна и/или ее пальто находятся где-то на территории поместья.

Между тем уровень заряда аккумулятора в трекере успевает упасть до восьми процентов. Я стою на опушке, глядя на простирающуюся передо мной огромную лужайку. Сам дом потрясает воображение: это громадный каменный дворец в колониальном стиле, словно сошедший со страниц «Великого Гэтсби». Свет фонарей озаряет симметричные зеленые насаждения с одинаково подстриженными кустарниками по обе стороны. Я замечаю бассейн и стеклянную пляжную кабинку. Перед входом припаркованы две машины: «порше» и «мерседес», обе черные.

Вокруг ни души. Охранников, патрулирующих территорию, тоже не видно.

Пока я наблюдаю, соображая, что делать, в одном из окон второго этажа вспыхивает свет. Я пригибаюсь, хотя от дома до меня добрая сотня ярдов. Потом, отдышавшись, устремляю взгляд на окно.

За ним ходит Анна.

Смотрю на часы. Почти одиннадцать вечера. Я принимаюсь лихорадочно соображать, как мне быть. Просто постучать или позвонить в дверь или как? Действовать в лоб? Это кажется странным, да и непонятно, как охрана, если таковая имеется, может отреагировать. Но теоретически такая возможность есть. Можно также, не знаю, подобрать с земли несколько камешков и бросить их в стекло. Это кажется мне чересчур «киношным», если можно так выразиться, плюс Анна, вероятнее всего, закричит и начнет звать на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.